

Омаров Р.М.

**ОПЫТ И ЗНАЧЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ ДЛЯ КАЗАХСТАНА**

R.M. Omarov

**EXPERIENCE AND SIGNIFICANCE OF FOREIGN POLITICAL
MODERNIZATION FOR KAZAKHSTAN**

УДК: 327.321.02(575.2)(04)

В статье рассматриваются опыт, значение и влияние зарубежной политической модернизации для Казахстана в период трансформации включая аналогичные моменты на примере различных стран мира в переходный период.

The article considers the experience, the importance and influence of foreign political modernization in Kazakhstan in the period of transformation including similar moments on the example of different countries of the world in the period of transition.

Модернизация зарубежных стран представляет определенный интерес, поскольку их опыт позволяет выявить логику, источники, способы общественной трансформации, в том числе и те, которые могут обладать универсальной значимостью [1].

Большинство стран, которые принято сейчас называть развитыми, пережили этап модернизации в период Нового времени, в XVII-XIX вв. Именно в это время в Англии, Америке, а также в большинстве стран Западной Европы происходит становление капитализма как системы хозяйствования, а также обосновывающей его идеологии и этики. Прочие страны - те, которые принято называть развивающимися, - пережили этап становления капиталистической системы отношений немного позднее и имели в качестве примера для подражания развитые страны, заимствуя опыт их общественных практик.

Таким образом, модернизация, которую мы наблюдали в XX в., как правило, имела характер «догоняющего» развития. В силу того, что родоначальницей буржуазных революций была Западная Европа, модернизация часто понимается как «вестернизация», то есть как простое заимствование опыта Запада. В XX в. модернизация приобрела характер универсального по своему временному характеру и географическому охвату явления, поскольку модель развития, предлагаемая западными обществами, оказалась достаточно легко воспроизводимой и поэтому всеобщей.

Западная модернизация представляет интерес, поскольку ее опыт позволяет выявить логику, источники, способы общественной трансформации, в том числе и те, которые могут обладать универсальной значимостью. С точки зрения характера преобразования традиционного предсовременного общества, темпов, стратегии и тактики, как представляется, выделить несколько моделей модернизации можно в опыте западных стран.

Модель классической спонтанной модерни-

зации (страны Западной Европы, США, Австралия). На ее эволюцию наложили отпечаток колониализм, капитализм эпохи свободного предпринимательства, протестантская этика, буржуазные революции, специфические классовые антагонизмы, религиозные войны. Данную модель в специальной литературе часто определяют в силу синхронности созреваания ее условий и факторов в виде экономических, социальных, правовых, политических культурных предпосылок. Подчеркивается, что и последовательность модернизации различных структур феодального общества обеспечили органичность зарождения основных структур современного общества (2).

Другую модель модернизации в мировой научной литературе обозначают как запаздывающую и не органичную. Прежде всего, если принять такую классификацию, можно отметить, что прорыв к модернизации в этих странах (Япония, Бразилия, Аргентина, пиренейские страны) начинался значительно позже. Развитие модернизационного процесса здесь отличалось отсутствием ряда предпосылок (в частности, развитого рынка, гражданского общества, правового государства и др.) модернизации, что обуславливало ее несинхронный и чаще всего авторитарный характер. Незрелость экономических предпосылок, как правило, компенсировалась и уравнивалась здесь политической властью. Генератором изменений становилось государство, что таило в себе, с одной стороны, опасность бюрократизации, непоследовательности в осуществлении реформ, перепрыгивания с этапа на этап, а с другой стороны, большие мобилизационные возможности это реформационного процесса.

Для стран запаздывающей модернизации, например, Испании, Португалии, переход к современному обществу начинался с решения фундаментальных политических вопросов; формирования государственных институтов, выработки конституции, определения общих принципов национально-государственного устройства. Вопросы экономической модернизации были отложены и к ним вернулись после решения политических проблем. (3). Динамизм в осуществлении модернизации обеспечивался авторитарным политическим режимом. Запаздывающая модернизация предполагала одновременное решение задач, доставшихся от различных исторических этапов, например, переход к информационным технологиям и созданию парламентской демократии, правового государства.

К примеру, в Испании в ситуации политического перехода второй половины 1970-х годов действовали основные ветви власти, существовали политические и экономические группы, независимая пресса, элементы гражданского общества. Однако политические партии были аморфны и слабы, между провластными силами и оппозицией наблюдалось жесткое противоборство. Экономические сдвиги и изменения в социальной структуре привели к появлению новых социальных групп, породили новые противоречия и конфликты. Некоторые из них разрешались путем соглашений и компромиссов, другие - в процессе противоборства. Все эти перемены способствовали появлению организаций (в том числе политических партий), формирующих и формулирующих интересы и требования как старых, так и новых социальных групп: наемных рабочих, независимых работников, лиц свободных профессий, предпринимателей, женщин, молодежи, квартиросъемщиков и т.д. (4).

В ходе модернизации при создании новой политической системы общественным силам пришлось считаться с тем, что сложившиеся внутринациональные традиции столкнулись с новыми, современными тенденциями прогрессивного развития. Демократическая политическая система начала складываться, базируясь на двух принципах:

- первый – осуществление реформ сверху, силами самой государственной власти;
- второй – поддержание консенсуса между государством и гражданским обществом.

В новейшей истории Испании можно выделить самые крупные вехи переходного процесса - принятие закона о политической реформе (ноябрь 1976 г.), подтвержденного референдумом, последовавшие за ним первые свободные выборы, пакты Монклоа (октябрь 1977 г.), принятая референдумом конституция 1978 г. и проведенные на ее основе парламентские выборы. Так в Испании была завершена институционализация демократии.

Институционализация демократии в Испании дала специфический результат - совмещение монархии, парламентаризма и государства автономий. Как показала последующая практика, испанское общество нашло, таким образом, некую равнодействующую линию между зачастую полярными политическими устремлениями общественно-политических сил. И это во многом обеспечило последующую стабилизацию демократического строя.

Особое место среди рассмотренных моделей занимает «скандинавская модель» модернизации. Ее особенность состоит в том, что в отличие от других стран переход к рынку и демократии осуществлялся здесь параллельно, чему способствовали не только правовая (наличие конституции) и культурная среда, но и макроконсенсус между различными классами и социальными группами.

Одним из классических примеров проведения модернизационных реформ либерального характера

может послужить шведский опыт. В 1809 году в Швеции была введена должность парламентского омбудсмана юстиции, в функции которого входили надзор над исполнением законов должностными лицами и соблюдение гарантий против злоупотреблений властью по отношению к гражданам. В середине XIX века либерализм в Швеции переживал время своего расцвета. В этот период были проведены реформы либерального направления в политической, экономической, социальной сферах.

В начале XIX века в шведском обществе появилась значительная группа людей - новый средний класс, который уже не вмещался в рамки четырех сословий. Представители этого среднего класса, такие, как государственные служащие недворянского происхождения, владельцы предприятий, оптовики, адвокаты, учителя, журналисты, а постепенно и индустриальные рабочие, больше не хотели оставаться политически неправомочными. Для либералов существующая система была неприемлемой, и потому они боролись за то, чтобы выборы проходили на основе принципа индивидуального представительства.

В ноябре 1865 года дворянство проголосовало за новую представительскую реформу. Спустя год риксдаг официально принял новое правило формирования риксдага. Согласно новому предписанию об устройстве риксдага, он подразделялся на две палаты, члены которой избирались на основе личного представительства. В начале XX века в два приема была проведена избирательная реформа: сначала для мужчин при выборах во вторую палату (1909), а десятью годами позже всеобщее и равное право голоса получили мужчины и женщины на выборах в обе палаты риксдага. Это означало полную демократизацию государственной жизни. (5).

В экономической области либералы отказались от основанной на принципах меркантилизма регулируемой экономики и провели в жизнь ряд решений, способствующих развитию торговли, ремесел и промышленности, подготовив тем самым дорогу для индустриального прорыва в Швеции. Самыми первыми реформами были: ликвидация цеховой системы (1846), принятие закона о полной свободе предпринимательства (1864) и присоединение к системе свободной торговли (1865). Либеральное понятие свободы касалось между тем не только политической и экономической сфер, но также культуры и социальной жизни. Наиболее важной реформой в области культуры было введение всеобщего народного школьного образования, суть которой заключалась в том, что всем детям от 7 до 13 лет гарантировалось прохождение основного образовательного курса. Расходы по созданию школ с 1866 г. лежали на коммунах (до того - на приходах).

С тех пор прошло много времени. Реформа школы, здравоохранение, уход за детьми и

престарелыми до сих пор остаются центральными темами дискуссий в Швеции. Но фундамент демократического социального государства был заложен в XIX веке реформами либерального характера. Шведы видели свое национальное своеобразие в том, чтобы быть современными эпохе.

В целом, при всех социальных издержках модернизация западного общества позволила создать современные структуры, функционирующие на основе мощных мотивационных механизмов целенаправленной деятельности человека, гарантии его относительно широких прав и свобод и обеспечивающие стабильность системы, активность политико-правовых институтов.

Богатым опытом демократической модернизации обладают и страны Латинской Америки. После того как в них начали проводиться либеральные реформы и после краткого периода роста экономики возникли новые трудности. В частности, стало очевидно, что уязвимость латиноамериканской индустриальной экономики перед лицом мирового рынка порождена технологическим отставанием континента от наиболее развитых стран Запада: «Латинская Америка демонстрирует, что авторитаризм способен создавать условия для латентного развития разнообразных демократических процессов». (6).

Неолиберальные реформы 1990-х гг. не способствовали укреплению технологического, инновационного потенциала Латинской Америки. Даже сравнительно благополучные страны континента до сих пор не смогли разорвать порочный круг «бедность – неграмотность – бедность». Противоречивость, неоднозначность неолиберальных реформ в Латинской Америке, как и тот факт, что они не позволили в полной мере использовать имеющийся потенциал для развития континента, в первую очередь связаны с тем, что сами по себе эти реформы не выходили за пределы индустриализации. Это одна из причин того, что сегодня в латиноамериканских странах (особенно в Венесуэле, Боливии, Чили, Никарагуа) все настойчивее звучат требования изменить курс, взятый на рубеже 1980-1990-х гг., активизируется поиск левоцентристской альтернативы неолиберализму.

Иную парадигму, как нам представляется, обнаружила практика модернизации стран, бывших ранее социалистическими. Суть политической модернизации в постсоциалистических странах, будь то в Центральной или Юго-Восточной Европе, или на пространстве бывшего СССР, заключалась в переходе от авторитарных режимов к демократии и от монополистических, контролируемых только государством экономик, к надежному в экономическом отношении рынку. Особенность заключалась в том, что режимы были различных оттенков, а экономики различных типов.

Постсоциалистические страны были поставлены перед необходимостью одновременно про-

вести модернизацию как в политической, так и в экономической сферах. Однако современная транзитология, в основном, формулирует тезис о несовместимости одновременного экономического и политического реформирования. Для решения этой проблемы предлагаются различные подходы. Одни авторы, отмечая, что радикальные экономические преобразования требуют решительных действий, которые могут быть осуществлены только сильной, авторитарной властью, считают, что проведение экономической реформы должно предшествовать демократизации режима. Другие говорят о том, что прежде чем обратиться к проведению рыночных реформ, следует обеспечить укрепление демократии.

Специфичность постсоциалистической модернизации отмечали многие исследователи. К примеру, Х.Линц утверждал: «Все переходы в бывших коммунистических странах фундаментальным образом отличаются от переходов, происходивших в странах Запада, из-за сложившихся здесь неэффективных, централизованных социалистических экономик. Этим странам предстоит осуществить экономические реформы и переходы к некоей форме рыночной экономики одновременно с осуществлением политической реформы в результате политических перемен. Однако есть свидетельства того, что изменения экономической системы сопряжены с большими трудностями, чем политические изменения, отчасти из-за того, что пока еще не существует модели перехода от командной экономики к рыночной экономике и к некоей форме капитализма». (7).

Отметим, что практика демократического транзита на постсоветском пространстве показывает наличие не меньших трудностей и препятствий для процесса политической модернизации. В Советском Союзе и Восточной Европе официальная идеология, централизованная, плановая экономика в течение многих десятилетий направлялись в процесс модернизации «сверху». В результате, по мнению польского социолога П. Штомпки, возникло внутренне противоречивое сочетание трех компонентов:

Первый компонент - «современные черты в отдельных областях общественной жизни».

Второй компонент - наличие «традиционных, домодернистских характеристик во многих других областях».

Третий компонент - элементы, «призванные имитировать современную западную действительность». (8).

В период, последовавший за народными революциями против коммунистического правления, в странах, вошедших в группу конкурентоспособных демократий, были созданы политические институты на основе переговоров за «круглым столом», в которых участвовали народные фронты и другие организации и лица, представляющие организованные интересы в широком диапазоне от профсоюзов до религиозных деятелей. Частично опираясь на пример западноевропейских демократий, такие «круг-

лые столы» привели к созданию политических институтов, которые, как правило, тяготели к парламентской системе, содействовали конкуренции между партиями и сдерживали исполнительную власть.

Логика органичной модернизации состояла в том, что первоначально создавались рыночные отношения. Затем на основе рыночных структур возникали современные политические. В странах же Восточной и Центральной Европы логика преобразований была избрана совершенно противоположной. Традиция доминирующего положения политики в жизни общества обусловило то обстоятельство, что важнейшей предпосылкой экономических, социальных преобразований стали политические реформы. Однако, в результате формального характера данного процесса возникла реальность, в которой государство стало обладать контролем за всеми сферами жизнедеятельности человека. Экономическая система этатистского социализма в меньшей степени оказалась ориентированной на удовлетворение интересов потребителя, а в большей – на интересы монополистов-производителей.

Коснемся новейшего исторического опыта стран Восточной и Центральной Европы. Модернизация здесь обладает рядом особенностей.

Обычно мировая практика сталкивалась с процессом перевода традиционного общества в современное при наличии социально-экономических, правовых и культурных условий в виде товарного производства, рынка, элементов правового государства, системы ценностей, способной адаптироваться к нововведениям технологического, материального и политического характера.

Коснемся новейшего исторического опыта стран Восточной и Центральной Европы. Модернизация здесь обладает рядом особенностей.

Обычно мировая практика сталкивалась с процессом перевода традиционного общества в современное при наличии социально-экономических, правовых и культурных условий в виде товарного производства, рынка, элементов правового государства, системы ценностей, способной адаптироваться к нововведениям технологического, материального и политического характера.

В посткоммунистических режимах подобных предпосылок не было, поэтому идеология и реальное поведение правящей элиты и масс в условиях модернизационного процесса стали существенно расходиться в силу того, что представления о современном обществе у них формировались не на основе реально функционирующих структур, которые только и могут сложиться в результате преобразований, а в большей степени на основе аналогий, часто поверхностных, - с западным обществом.

Следовательно, модернизация посткоммунистических режимов начала оборачиваться не только изменением системных качеств общества и функций социальных институтов, но и поисками новой

парадигмы его исторического движения. Изменение типа исторического развития постсоциалистических стран стало сопровождаться распадом государства, растущей дезинтеграцией прежних структур и связей, утратой сложившихся форм идентификации, усилением конфликтности, что сделало данный процесс неустойчивым, волнообразным, неуправляемым.

Суть политической модернизации в постсоциалистических странах Восточной Европы заключалась в том, что новые правительства, как правило, концентрировались на содействии новым социальным группам «победителей», снятии барьеров на пути к рынку и на устранении острой макроэкономической нестабильности. Новая власть также поддерживала тех, кто пострадал от перекосов реформ, посредством обеспечения адекватной социальной защиты.

По мере продвижения реформ, сопровождавшихся появлением новых участников экономической деятельности и созданием благоприятной среды, укреплялись и группы, заинтересованные в дальнейшем развитии реформ в сложных областях структурных и институциональных изменений.

Что обеспечило такую взаимозависимость между экономической реформой, результатами экономической деятельности и политической эволюции? Одним из ключевых факторов была гораздо более высокая дееспособность правительства, чем в какой-либо другой части этого региона. Другим ключевым фактором в обеспечении и поддержке широкого согласия по поводу необходимости реформы явились исторические и географические связи указанных стран с Западной и Северной Европой, их стремление присоединиться к Европе.

Немаловажно также и то, что в упомянутых странах регулярная смена коалиционных правительств породила нормальную конкуренцию среди различных групп за обретение политического влияния. Конкуренция развивалась в рамках широкого согласия общества в отношении направления и целей реформы. Даже возвращение к власти партий-наследников коммунизма в таких странах, как Чешская Республика, Венгрия и Польша, не привело к краху реформ.

Специфика политических традиций и социально-исторической динамики в постсоциалистических странах подводит к выводу о разных путях, образцах и скоростях модернизации. Вместе с тем были и сохраняются общие черты в их политическом развитии. Можно согласиться с точкой зрения о наличии по крайней мере двух фаз модернизации в странах Центрально-Восточной Европы (ДВЕ) - начальной и продвинутой. (9).

На первом этапе задача политической модернизации состояла в демонтаже системы советского типа и ее сердцевины - «партийного государства», симбиоза «партия - государство». Здесь не было

единообразия. Интеграция внесоциалистического спектра политических сил с прогрессивной частью старой номенклатуры оказалась возможной не во всех странах. В Польше и Венгрии оппозиция была включена в политическую систему в результате достигнутых ею соглашений с реформаторски настроенной частью коммунистов. (10).

Литературы:

1. См.: Бижанов А.Х. Республика Казахстан: демократическая модернизация общества переходного периода. - Алматы: Онер, 1997. - 256с. - С. 11.
2. См.: Старостин Б.С. Социальное обновление: схемы и реальность. Критический анализ буржуазных концепций модернизаций развивающихся стран. - М.: Политиздат, 1981. - 183с.
3. Хенкин С.М. Политика пакта: испанские иллюстрации // Полис. - 1996. -№5.- С. 129-135.
4. Обновление и стабильность в современном обществе. Сравнительный анализ. Под руководством д.и.н. проф. А.А.Галкина. - М.: Издательство «Весь Мир», 2000. - 368с. - С. 72-73.
5. Мелин Ян, Юханссон Альф В., Хеденборг Сюзанна. История Швеции / Пер. со швед. - М.: Издательство «Весь Мир», 2002. - 400с. - С. 186-195.
6. Ашимбаев М.С. Политический транзит: от глобального к национальному измерению. Астана: Елорда, 2002. – 304 с. - С. 117.
7. J.Linz. Transitions to Democracy. «Washington Quarterly», Summer 1990, p. 156.
8. Штомпка П. Социология социальных изменений. - М.: Аспект ПРЕСС, 1996.-416с.-С. 180-182.
9. Бухарин Н., Довженко И. Политические реформы в странах Центральной и Восточной Европы// Международный диалог. - М., 1998. № 1. С. 68-86

Рецензент: д.полит.н., профессор Артыкбаев М.Т.